

О. А. Серкова

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГЕРОИЧЕСКИХ ЭПОЕЙ. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ «ПОВЕСТИ О ДОМЕ ТАЙРА» И «ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ»

Представлено сравнение литературных особенностей средневековых произведений «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах». Выявляются сходства и различия в языке, форме, структуре и содержании данных текстов. Осуществляется попытка установить причины обнаруженных сходств и различий и сопоставить их.

Ключевые слова: «Повесть о доме Тайра», «Песнь о Нибелунгах», сравнительно-исторический анализ, средневековая литература, героическая эпопея, военное сословие.

Как известно, литература играла важную роль в жизни военных сословий. С одной стороны, исполняясь нараспев под аккомпанемент различных музыкальных инструментов, она развлекала воинов во время пиров. С другой стороны, она, развивая их эстетическое чувство, подчеркивала этим культурное превосходство военного сословия над прочими. Литература повышала авторитет военного сословия: воспевала героев незапамятных времен и увековечивала подвиги героев современных, ставя их в один ряд с легендарными предшественниками. Ну и, конечно, литература консервировала ценности сословия, превращая их в традицию. Представительными в этом отношении являются средневековые героические эпопеи Японии и Германии.

Остановимся на сравнении двух таких эпопей: «Повесть о доме Тайра» и «Песнь о Нибелунгах». Определенные параллели между рыцарской и самурайской культурой этого периода, служащие для нас основанием для их сравнения, обусловлены рядом типологических свойств, присущих самурайскому и рыцарскому сословиям. Таким образом, комплекс неслучайных сходств и параллелей элементов культуры рыцарей и самураев, зафиксированный средневековой художественной литературой, формирует необходимую базу для подобного сравнения. Более подробно методологические проблемы и основания для сравнения изложены нами в двух статьях: «Сравнительно-исторический анализ “Повести о доме Тайра” и “Песни о Нибелунгах”». Основания для сравнения» [1], «Бусидо и рыцарский кодекс: сравнительно-исторический анализ “Повести о доме Тайра” и “Песни о Нибелунгах”» [2].

Интересно, что на раннем этапе литература военного сословия (уже являясь придворной) и в Японии, и в Германии была еще не столь сильно оторвана от народа. Достигалось это благодаря включению в текст легендарных персонажей и сюжетов из народных сказаний и мифов, а также благодаря людям, их распространявшим, – народным

поэтам и певцам: шпильманам и бива-бодзу. Шпильманы, равно как и японские исполнители песен, часто сами были персонажами героического эпоса, не только как свидетели событий, но и как активные их участники – таковыми были Вербель и Свеммель, Ёсиката и Сукэтада. Кстати говоря, все названные персонажи жили при феодальных дворах и становились служилыми людьми, выполнявшими подчас важные поручения феодала (как, например, Вербель и Свеммель в «Песни о Нибелунгах»). Так, Сукэтада называется «придворным музыкантом», его внук Ёсиката по совместительству является еще и «чиновником из управления Правой дворцовой стражи» [3, с. 541], а германские шпильманы Вербель и Свеммель выполняли функции посланцев:

«Доверю быть послами я шпильманам своим
И, если вы согласны, уже завтра им
В бургундские пределы отправиться велю.

С зарею смелых шпильманов призвали к королю» [4, авентюра XXIII].

В сопровождение им даже была выделена свита:

«Явились в Вормс на Рейне через двенадцать дней

Два шпильмана отважных со свитою своей» [4, авентюра XXIV].

А за выполненную работу их ждало щедрое вознаграждение:

«По десять сотен марок иль более того
От Этцеля досталось двум шпильманам его.

Из них был первым Вербель, вторым же Свеммель был.

Вот так король в супружество с Кримхильдою вступил» [4, авентюра XXII].

Все это говорит о том, насколько ценились исполнители песен при феодальных дворах и, следовательно, насколько песенная литература была востребована военными сословиями Японии и Германии в зрелом средневековье.

Сами рыцари и самураи тоже практиковались в сложении стихов и исполнении музыки – Фолькер,

Ёримаса, Таданори, Сигэхира и Ацумори яркий тому пример:

«Примкнул и шпильман Фолькер к дружке ко-ролей.

Пришло с ним вместе тридцать его богатырей
<...>

Не понимать превратно прошу слова мои.

Был Фолькер из презнатной, владетельной семьи,

А шпильманом был прозван в краю своем род-ном

Лишь потому, что сызмалу умел владеть смыч-ком» [4, авантюра XXIV];

«И завязался в зале веселый разговор.

Отважный Фолькер был в речах особенно остер» [4, авантюра XXVII];

«Все затруднялись сразу сложить стихи, а Ёри-маса без малейшей заминки, тотчас произнес зна-менитую танка: “Распознает ли взор деревья, чьи ветви сокрыли горный склон вдалеке? Только виш-ня порою весенней всех соседей затмит цвета-ми...”» [3, с. 71]; «Но я давно уже слышал, будто вскоре по августейшему повелению предстоит со-здание нового сборника стихов танка, и с тех пор мечтал лишь о том, чтобы вы оказали мне милость, включили бы в этот сборник хоть одно из сложен-ных мною стихотворений. Это было бы для меня величайшей честью! <...> С этими словами он до-стал из за нагрудной пластины панциря свиток и подал Сюдзэю. Больше сотни стихов было в том свитке, отобранных самим Таданори. Не надеясь вернуться живым из нынешнего похода, он принес сюда этот свиток» [3, с. 336]; «Я всегда думал, – сказал Ёритомо, – что люди Тайра помышляют только о боевых доспехах, луке и стрелах, но ока-залось, что этот Сигэхира – превосходнейший му-зыкант! Я всю ночь слушал украдкой, как он пел и играл на лютне!» [3, с. 468]; «Звуки флейты, на ко-торой играл Ацумори в утро той битвы, привели Кумагая к прозрению. При мысли об этом волне-ние объемлет душу!» [3, с. 430]. Все вышеописан-ные воины являлись примером совокупности са-мых лучших рыцарских качеств: благородного происхождения, физической силы, но особо высо-ко они ценились в обществе и обрели славу имен-но благодаря своему таланту. О ценности искусств и литературы говорит и сам факт существования героических эпопей, и их сложная, порой неоднородная, литературная форма, и использование средств художественной выразительности речи.

Логично было бы считать, что схожие литера-турные формы служили одной и той же цели. Но так ли это было в действительности? И схожи ли истоки столь трогательной любви к стихам у сред-невековых воинов? Попробуем разобраться.

Выделяя различия, в первую очередь обраща-ешь внимание на стихи. «Песнь о Нибелунгах» це-

ликом написана в стихотворной форме. «Повесть о доме Тайра» совмещает стихи и прозу, но эта проза ритмична и, при должном аккомпанементе испол-няется нараспев. Но наличие стихотворных форм в обоих произведениях объясняется совершенно раз-личными, специфическими влияниями на средне-вековые японскую и германскую культуры. В слу-чае «Песни о Нибелунгах» влияние было внутрен-ним, поскольку стихотворная форма «Песни» объ-ясняется литературным прошлым германцев, а именно древненемецкими аллитерационными сти-хами. Но теперь в средневерхненемецкой «Песни о Нибелунгах» характер стиха меняется на новую и более привычную современному читателю метри-ческую структуру, что свидетельствует о новой ху-дожественной ориентации текста. Появляется спе-цифическая «нибелунгова строфа»: «Нибелунгова строфа состоит из четырех длинных строк; первая строка рифмуется со второй, третья с четвертой; рифма мужская, т. е. рифмуется последней слог; каждая строка разделена на две части цезурой; каждая половина первых трех строк и первая поло-вина четвертой строки содержит три ударных сло-га, а вторая половина четвертой строки – четыре ударных слога; первая половина каждой строки за-канчивается на неударный слог» [5, с. 21].

Текст «Песни» в своей форме и содержании от-ражает процесс становления рыцарской культуры и ее корни, глубоко уходящие в варварское прош-лое. Так, стихотворная форма «Песни о Нибелун-гах», генетически связанная с древнегерманскими народными песнями, демонстрирует взаимодейст-вие и взаимопроникновение фольклора и придвор-ной литературы: «через нее проникали в рыцар-скую поэзию образность и ритмика народной пе-сни; в свою очередь, в народную поэзию вплета-лись мотивы и легендарные образы рыцарских по-вествований» [5, с. 20].

В случае «Повести о доме Тайра» влияние, на-против, было внешним, поскольку включение сти-хотворений в текст объясняется схожей китайской литературной традицией и наследием буддийских сочинений, ведь включение в текст стихов – их отли-чительная черта. Таким образом, становятся очевид-ны различия в причинах и целях использования сти-хотворных форм в японском и германском текстах. В «Повести о доме Тайра» стихи служили социаль-ным и культурным «лифтом» для самураев, если так можно выразиться. Цитаты китайских стихов, собст-венные танка и рэнга «подтягивали» самураев к вы-сокой столичной придворной культуре, которая, в свою очередь, равнялась на Китай. Стихотворная же форма «Песни о Нибелунгах» отсылала к древней эпической поэзии, к мифологическим песням.

Однако при всех различиях в форме, структуре и языке повествования этих произведений можно

увидеть то, что в лингвистическом, литературоведческом и историческом плане роднит оба текста – это их неоднородность, в некотором смысле даже эклектичность, и, конечно, многослойность. В них становится виден и комплекс различных влияний (кросскультурных и специфических внутренних, сословных и религиозных), и соединение разных эпох (тут и легендарная древность с сюжетами о богах, духах, драконах и мифических героях, и историческое прошлое с реальными именами и отсылками к реальным событиям, и современность с ее взглядами и ценностями).

Какую еще важную для нашего исследования информацию может дать изучение и сравнение формы текстов, их структуры и особенностей языка? Изучение языка на предмет наличия в нем фиксированных орфографических и лексических норм может говорить нам о степени развития общества. О социальной структуре общества скажет использование изящного или вульгарного языка. О факторах, воздействию которых подвергалась культура, сообщат литературные традиции и их заимствования. Рассмотрим под этим социолингвистическим углом и наши источники.

Следует сопоставить особенности литературных языков «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах» поскольку путем подробного сравнения источников можно попытаться выявить различия и специфические черты самурайства и западноевропейского рыцарства. Письменный немецкий язык находился на этапе складывания в момент написания свитков «Песни о Нибелунгах»: в средневерхненемецком языке (Mittelhochdeutsch – XII–XV вв. – является родоначальником современного немецкого языка (с XVI в.), следует за древневерхненемецким языком – 600–1050 гг.) еще не существовало норм орфографии, поэтому в самом тексте встречается множество вариантов написания одних и тех же слов. Например, *könig* – «король», «конунг» встречается в тексте в виде *kunige(-in)*, *kunneg(-inne)*, *kunnig(-inne)*, *kneg(-in)*, *knve(-inne)*, *knvic*, *knvige(-in)*, *knvik(-lichen)*, *knvnech*, *knvneg(-in)*, *knvnich*, *knvnige*, *chvnic*, *chvnich*, *chvnige(-in)*, *chvnik*, *chunich*, *chunige* [6]. Такое состояние языка свойственно молодым обществам со слабой или формальной центральной властью: еще не осознавая себя как целое (языки оставались региональными), они тем не менее ощущали языковую и культурную общность ряда регионов (этноязыковая общность), отличая себя при этом от иностранных соседей.

Любопытно и то, насколько хорошо отражена в тексте источника широко дифференцированная социальная линейка. Перевод Ю. Б. Корнеева несколько непоследовательно передает жесткие социальные рамки феодального общества и, как

следствие, социально-феодальные титулы их участников. Так, он в ряде случаев переводит употребленный в отношении Зигфрида титул «*furst*» (князь) как «король». Очевидно, что эти понятия не тождественны, и неправильный их перевод приводит к искаженному восприятию текста. Так же как искаженному восприятию текста способствует замена ряда социально окрашенных понятий на слово «витязь», не отражающее ни смысла, ни стиля, ни духа оригинального произведения. Но при работе с оригиналом становится очевидным, что употребление определенных феодальных понятий имело глубокий смысл. Мифические герои и исторические персонажи времен Великого переселения народов тщательно и скрупулезно, со всеми деталями и составляющими образа, вписаны в систему средневековых феодальных титулов. Так, на основании того, что в тексте оказались представлены все основные титулы феодального сословия: начиная от *Kaiser* (император), продолжая *König* (король), *Fürst* (князь), *Herzog* (герцог), *Graf* (граф), в том числе вариации *Marchgraf* и *Landgraf*, заканчивая *Bischof* (епископ), можно утверждать, что многоступенчатая система феодального соподчинения уже была сформирована к моменту создания «Песни о Нибелунгах». Сословный характер данного источника (то, что песня написана рыцарями и для рыцарей) подтверждается использованием выше-названных специфических феодальных титулов, включение которых в народную (фольклорную) литературу не имело смысла. Об этом же говорит и наличие в тексте терминов, употребляемых в обозначении представителей мелкого рыцарства – *министерялов*. В тексте «Песни» упоминаются все основные должностные лица: *Truchsess*, *Schenk*, *Marschalk*, *Kammerer* – заведующие столом, погребом, конюшней и кладовой. Это также подтверждает то, что к моменту написания «Песни» *министерялы* уже приобрели особенное значение при дворах в Германии XII–XIV вв. Будучи изначально всего лишь домашними слугами, немецкие *министерялы* «динстманны» (*dienst* – «служба», *diene* – «служить») добились прав отдельного сословия, личной свободы и стали в результате одной из опор центральной власти в германских княжествах. Отражено это и в сюжете «Песни о Нибелунгах» – *министерялы* там представлены читателю в первую очередь после королей в самой первой авантуре, и на протяжении всего сюжета они принимают участие в сражениях наравне с остальными и всюду сопровождают своих господ. Размеры и цели данной статьи не позволяют развить тему отношений соподчинения и образа власти в средневековом феодальном европейском обществе. Однако по данной тематике читателю доступно исследование трансформации архаического властного

кода в традициях европейского средневекового рыцарства, представленное в статье И. Ю. Николаевой «Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования сферы бессознательного» [7].

Но вернемся к сравнению литературных особенностей героических эпоей. О состоянии японского письменно-литературного языка текстов эпохи Камакура подробно писал Н. И. Конрад: «...язык гунки характеризуется... смешением стилистических элементов речи: “изящных речений” (гагэн) и “вульгарных” выражений (дзокуго). Иначе говоря, в гунки мы находим и элементы языка хэйанских моногатари и целый ряд простонародных слов» [8, с. 324]. Помимо этого язык «Повести» представляет собой смешанный китайско-японский язык (вакан-конгобун). Однако китаизмы на этом раннем этапе еще не вошли в структуру японской речи. В этом смысле жанр, в котором написана «Повесть о доме Тайра», гунки, по словам Конрада, «представляет собой любопытную картину введения в японский язык все еще достаточно чуждых иностранных элементов речи: китаизмы выступают не только в лексическом облике, но и в синтаксическом строении фразы» [8, с. 324]. Таким образом, мы видим, что японский язык, как и немецкий, в тот период находился в процессе складывания и отражал социокультурные процессы того времени: «Новый язык еще не создался, – пишет Н. И. Конрад, – все эти элементы не получили еще своего гармонического объединения» [8, с. 325]. О взаимосвязи такого состояния письменно-литературно-

го языка с развитием японского общества Николай Иосифович также делает исчерпывающий вывод: неоднородность языка «как нельзя лучше соответствует облику самого самурайства тех времен: высшие слои его – в лице вождей могущественных домов – были связаны с родовой знатью: те же Тайра, те же Минамото вели свое происхождение от рода самих императоров. Простое же дворянство, – дружинники этих вождей, были тесно связаны с народной массой, с тем же крестьянством. В обиходе первых имели хождение изящная лексика и все изысканные обороты речи хэйанских аристократов; в среде вторых жил японский народный язык» [8, с. 324].

В соединении придворного и народного и заключается, на наш взгляд, своеобразие героических эпоей. Они, являясь по-своему эклектичными (в сюжете, форме и языке), в то же время цельно отразили состояние средневекового общества. Ведь, несмотря на некоторую бедность лексики, в них через слог и стиль речи, через множественные средства выразительности языка (в эпоеях присутствуют различные виды тропов), через «быструю смену лексических типов и синтаксических конструкций» [8, с. 326] и через особую рифму «нибелунговой строфы», через ритм всего изложения передано совершенно особое настроение и, если можно так сказать, энергия текста. Это энергия силы и молодости, благородства и доблести, походов и подвигов – это энергия еще молодых военных сословий средневековья.

Список литературы

1. Серкова О. А. Сравнительно-исторический анализ «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах». Основания для сравнения // Диалог культур как историографическая проблема: сб. ст. студенческих семинаров ИФ ТГУ. Томск: ТГУ, 2009. С. 45–48.
2. Серкова О. А. Бусидо и рыцарский кодекс: сравнительно-исторический анализ «Повести о доме Тайра» и «Песни о Нибелунгах» // Вопросы истории, международных отношений и документоведения: сб. мат-лов Российской молодежной науч. конференции / под ред. П. П. Румянцева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. Вып. 7. С. 67–69
3. Повесть о доме Тайра: Эпос (XIII в.) / пер. со старояп. И. Львовой; предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М.: Худож. лит., 1982г. 703 с.
4. «Песнь о Нибелунгах» / пер. со средневерхненем. и примеч. Ю. Б. Корнеева. URL: <http://www.fbit.ru/free/myth/texty/pnibelun/home.htm>
5. История немецкой литературы: средние века – эпоха Просвещения: конспект-хрестоматия: для спец-тей «Русский язык и литература», «Родной язык и литература», «Иностранный язык» / О. С. Мартынова. М.: Академия, 2004. 171 с.
6. Das Nibelungenlied / оригинальные тексты всех трех свитков «Песни о Нибелунгах» на средневерхненемецком языке в Интернет-библиотеке «Bibliotheca Augustana». URL: http://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/12Jh/Nibelungen/nib_intr.html
7. Николаева И. Ю. Архаика и гендерные коды культуры в свете исследования сферы бессознательного // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2006. Вып. 1. С. 92–98.
8. Конрад Н. И. Японская литература в образцах и очерках / Н. И. Конрад. репринт. изд. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1991. 562 с. (Библиотека отечественного востоковедения)

Серкова О. А., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: serkova-olga@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 30.01.2012.

O. A. Serkova

A COMPARATIVE STUDY OF THE MEDIEVAL HEROIC EPIC. FEATURES OF “THE SONG OF THE NIBELUNGS” AND “THE TALE OF THE HEIKE”

The article presents a brief comparative study of the medieval texts' features: “The Song of the Nibelungs” and “The Tale of the Heike”. The author identifies similarities and differences in the language, form, structure and content of these texts. The author tries to establish the reasons for the detected similarities and differences, and to compare them.

Key words: *“The Tale of the Heike”, “The Song of the Nibelungs”, comparative analysis, medieval literature, heroic epic, military estate.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: serkova-olga@yandex.ru